

Е. В. Перевалова, А. А. Перевалова, А. Г. Брусницына
СИБИРСКАЯ ОДИССЕЯ СТЕФАНО СОММЬЕ*

УДК 94(571.1)''18'':39

ББК 63.3(253.3)+63.51(235.3)

Итальянский натуралист С. Соммье (флорентийская школа социальной антропологии), в одиночку предпринявший летом 1880 г. поездку на север Западной Сибири, — путешествующий энциклопедист, для которого получение новых знаний о природе и человеке стало смыслом жизни. Во время сибирской одиссеи Соммье знакомится с народами, составлявшими этническую мозаику Российской империи. Главная цель его экспедиции (помимо изучения флоры и сбора ботанических коллекций) — антропологическое и этнологическое исследование остяков (хантов), самоедов (ненцев) и зырян. Физико-антропологических обследований перечисленных народов до Соммье практически не проводилось, и здесь его по праву можно назвать первооткрывателем. В его этнологических изысканиях нет сенсационных открытий, однако оригинальные этнографические описания в сочетании с обширными данными по истории, лингвистике, экономике, политике складываются в обширное полотно научного сибиреведческого материала. После поездки С. Соммье опубликовал фундаментальный труд «Un estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sirieni, Tatarsi, Kirhisi e Baskiri» (Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир) (Firenze, 1885) и серию работ по ботанике, антропологии и этнологии Нижней Оби. Вместе с тем для сибиреведения и уралистики научные труды Соммье, многие из которых остаются не переведенными на русский язык, актуальны и сегодня. Скрупулезно собранные и доставленные во Флоренцию ботанические, антропологические, этнографические и визуальные материалы имеют источниковую ценность не только для науки, но и для народов, ставших объектом исследования С. Соммье.

Ключевые слова: *Стефано (Карл Пьетр Стефан) Соммье, путешествие, Сибирь, остяки, самоеды, зыряне, флорентийская (итальянская) школа социальной антропологии*

*Северный вектор исследований
 флорентийской (итальянской) школы
 социальной антропологии*

Если изучение народов Сибири для некоторых европейских ученых было обусловлено политико-академическими запросами Российского государства (И. Э. Фишер, И. Г. Георги, П. С. Паллас), для других — их собственными

научными интересами и языковой близостью к объекту исследования (М.-А. Кастрен, А. Альквист) или «волею судеб» (Й. Мюллер, Ф. И. Страленберг), то для флорентийца Стефано Соммье (1848–1922)¹, не знавшего ни туземных языков, ни даже русского языка, отправиться в одиночку на другой край Земли кажется авантюрным решением. Но натуралист Соммье, предпринявший летом 1880 г. поездку на север Западной Сибири, не был искателем приключений, а был путешествующим энциклопедистом, для которого получение новых знаний о природе и человеке стало смыслом жизни.

*Перевалова Елена Валерьевна — к.и.н., зав. сектором этноистории, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: elena_perevalova@mail.ru*

*Перевалова Анна Андреевна — магистрант, Итальянское общество содействия международным организациям (Италия, г. Рим)
 E-mail: perevalova.ann@gmail.com*

*Брусницына Анна Геннадьевна — директор МБУ «Шурьшкарский районный музейный комплекс» (с. Мужы, Ямало-Ненецкий автономный округ)
 E-mail: anna_brusn@mail.ru*

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-01-00413 «Антропология путешествия в этноисторическом контексте» (рук. А. В. Головинёв)

¹ Стефано (Карл Пьетр Стефан) Соммье родился во Флоренции во французской семье 20 мая 1848 г., вырос в Италии. В Европе он известен как ботаник с мировой славой, как основатель и президент Итальянского ботанического общества (Societa Botanica Italiana). Подробно о С. Соммье и флорентийской школе социальной антропологии см.: Chiozzi P. Stephen Sommier: etnologia ed etno-fotografia // AFT. Anno IV. Firenze, 1988. № 7. P. 23–31; Idem. Manuale di antropologia visuale. Milano, 1993; Idem. Stephen Sommier: note di viaggio // AFT. Anno IV. Firenze, 1998. № 7. P. 13–22; Idem. Verso una «etno-antropologia fotografica»: da Paolo Mantegazza a Stephen Sommier // Etica e metodo: considerazioni sull'antropologia visuale. Acireale-Roma, 2011. P. 34–40; Roselli M. G. Viaggio tra i Lapponi in inverno (dai racconti di Stephen Sommier) // Orsi e Sciamani: bears and shamans. Firenze, 2007. P. 87, 98–117; Idem. Stephen Sommier in Siberia // Ibid. P. 118–133.

К середине 1870-х гг. флорентийская (итальянская) школа социальной антропологии, у истоков которой стояли врач и антрополог Паоло Мантегацца и его ученик Стефано Соммье, уже зарекомендовала себя как мощный научный центр. В середине XIX в. новая научная дисциплина — антропология — только-только начала появляться в университетах Европы. В 1869 г. в Институте высших наук (Istituto di Studi Superiori, Флоренция) была открыта кафедра антропологии, которую возглавил П. Мантегацца. По его инициативе в том же году был создан Национальный музей антропологии и этнологии (Museo Nazionale di Antropologia e Etnologia). Почти одновременно с кафедрой и музеем появилось Итальянское общество антропологии и этнологии (Società Italiana di Antropologia e Etnologia). В 1871 г. при нем был открыт Архив антропологии и этнологии (Archivio per l'Antropologia e la Etnologia), имевший свое периодическое издание.²

В отличие от других европейских школ, например французской, базировавшейся на сугубо антропологических исследованиях, или англосаксонской, изучавшей «примитивные» культуры, флорентийская школа развивала физическую антропологию в тесной взаимосвязи с этнологией и психологией. Антропология для эволюциониста Мантегацца и его последователей — это не сухая физическая антропология, строившаяся только на измерениях, а всестороннее изучение человека — от определения его места в иерархии живых существ до исследования влияния климата на его развитие и анализа его физико-психологических особенностей (известно высказывание Мантегацца — «у человека есть не только череп, но и мышление»). Определившись с научными приоритетами, организация флорентийских антропологов изменила свое название и стала именоваться Итальянское общество антропологии, этнологии и сравнительной психологии (Società Italiana di Antropologia, Etnologia e Psicologia Comparata). В Общество входили антропологи, этнологи, медики, психологи и просто путешественники.³ Стефано Соммье был ак-

тивным членом Общества (в совершенстве владевший несколькими языками, исследователь многие годы занимал должность секретаря по международным отношениям) и, несомненно, являлся одной из самых значимых фигур в развитии флорентийской (итальянской) антропологической традиции.⁴

К началу своего сибирского путешествия Соммье уже имел опыт проведения полевых исследований благодаря поездкам по островам Италии с целью сбора флористического материала и экспедиции с Паоло Мантегацца летом 1879 г. в Лапландию и Норвегию для изучения лапландцев и северных финнов.⁵ В совместной экспедиции двух выдающихся ученых складывался своеобразный стиль и отрабатывались новые методы исследований (антропологическая психология, визуальная антропология и др.). По результатам поездки было опубликовано несколько работ — научные статьи с подробными описаниями жизни лапландцев и научно-популярные очерки, рассчитанные на широкий круг читателей (подобные двойные публикации тоже впоследствии станут традицией). Первая лапландская экспедиция Мантегацца–Соммье определила северный вектор развития исследований флорентийских антропологов: в области их интересов оказались высокие широты Европы и России (Лапландия, Урал, Западная Сибирь).

Лето в Сибири

Итак, уже в июне 1880 г. (на следующий год после поездки в Лапландию) Стефано Соммье в одиночку отправился в Россию. Выбранный им маршрут соответствовал главной цели путешествия — изучению флоры Урала и Сибири и малоизвестных северных народов, прежде всего населявших Обь-Иртышский бассейн остяков (хантов) и их более северных соседей — самоедов (ненцев). Из Флоренции Соммье проследовал в Берлин, затем на поезде добрался до Санкт-Петербурга, где, пользуясь радушием членов Императорской Академии наук и Русского географического общества, активно занялся подготовкой экспедиции. Затем он отправился в Москву, откуда и началось его путешествие. 21 июня 1880 г. Соммье выдвинулся из Москвы в Нижний Новгород, далее на пароходе по рекам Волге

² О Национальном музее антропологии и этнологии и Архиве антропологии и этнологии (Флоренция) см.: Piccardi M., Roselli M. G. Museo Nazionale di Antropologia e Etnologia di Firenze, schedatura computerizzata delle collezioni // AAE. Firenze, 1990. Vol. 120. P. 178–182; Ciruzzi S., Piccardi M., Roselli M. G. Il Museo Nazionale di Antropologia e Etnologia. Firenze, 1995.

³ См.: L'istruzione di un laboratorio antropometrico nel Museo Nazionale d'Antropologia nell'Istituto di Studi superiori a Firenze // AAE. Firenze, 1901. Vol. 31. P. 319–340; Kraus A. (figlio). Museo Etnografico — Psicologico — Musicale // Ibid. P. 271–274.

⁴ См.: Chiozzi P. Stephen Sommier: note di viaggio. P. 13–22.

⁵ См.: Mantegazza P., Sommier S. Studii antropologici sui Lapponi // AAE. Firenze, 1880. Vol. 10. P. 173–201; Idem. Un viaggio in Lapponia con l'amico Stephen Sommier. Milano, 1881; и др.

и Каме добрался до Казани и Перми. Пересек Урал по железной дороге и достиг Нижнего Тагила и Екатеринбурга, отсюда в экипаже двинулся в Тюмень. Следующим пунктом назначения был Тобольск, куда он отправился уже на пароходе. Там Соммье задержался несколько дней, и затем по Тоболу и Иртышу он добрался до расположенного в месте слияния Иртыша и Оби села Самарово. Далее, исследуя селение за селением остяцкие земли, он на каюке (весельно-парусной лодке с крытой каютой) спускался по Оби к Обдорску. После неудачной попытки (из-за крайне неблагоприятной погоды) пешком достичь горных массивов Полярного Урала Соммье принимает решение двигаться к устью и эстуарию Оби с целью изучения флоры и жителей Самоедского полуострова (Ямала). Крайней точкой его маршрута стали рыболовные стоянки самоедов Яр-Сале, Мура, Лайю, Нижний Остров, Хароттохо и Ям-Сале, расположенные на восточном побережье полуострова и на ближних к нему островах. Обратный путь Соммье лежал через Тобольск и далее на Верхнеуральск и Оренбург. 25 октября он вернулся в Москву, в общей сложности проведя чуть больше четырех месяцев в путешествии по России, три из них — на Оби.⁶

Ко времени путешествия Соммье в Сибири, да и вообще в России, сложилась устойчивая практика содействия научным экспедициям. «Куда бы я ни приезжал, — писал ученый, — власти (если таковые были), уведомленные губернатором... встречали меня в парадной форменной одежде... и предлагали свои услуги. Эта вежливость властей по отношению к иностранцам, отмеченная всеми путешествующими по отдаленным частям империи, показывает, что правительство благожелательно смотрит на исследования и пытается сделать все возможное для облегчения их миссии».⁷ В проведении экспедиции Соммье оказывали помощь ученые (В. В. Радлов, О. Е. Клер, И. Я. Словцов), местные краеведы (М. С. Знаменский), рыбопромышленники и торговцы (В. Т. Земцов, Н. В. Чурилов), представители туземной элиты (остяцкий князь И. Тайшин). В Тобольске, по совету купцов, Соммье запасся «колониальным» товаром: бисером, зеркалами, пуговицами, кольцами, серьгами, бляхами с изображением святых, ножами, лентами, ру-

жейными кремнями, свинцом и порохом, листовым табаком и водкой. Находясь еще в Петербурге, Соммье получил «открытое письмо Императорского Географического общества», а тобольский гражданский губернатор выдал ему «уведомление о полномочиях», предоставляющее ему возможность посещать любые интересующие его места. Свою экспедиционную лодку, шедшую под итальянским и российским флагами, благодарный итальянец называл «Лодка двух флагов» (итальянский стяг был укреплен на шесте, а российский — на флагштоке «в дань уважения к нации», принимающей гостя-иностранца).⁸

Во время путешествия С. Соммье вел путевые заметки, а после поездки опубликовал фундаментальный труд «Un estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sirieni, Tatari, Kirhisi e Baskiri» (Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир). В Италии книга была опубликована в 1885 г. на средства автора флорентийским издателем Лошер (Loescher). Соммье посвятил монографию о сибирской одиссее своему учителю Паоло Мантегацца, благодаря которому состоялось знакомство натуралиста с этнологией и зародился исследовательский интерес к северным народам и культурам.⁹ Судя по содержанию книги, перед нами внимательный наблюдатель, проницательный исследователь, обладающий образным мышлением и живым языком; в описании путешествия и в спектре собранного материала «читается» принадлежность ученого к флорентийской школе социальной антропологии с ее новаторскими по тем временам методами исследования.

Книга «Лето в Сибири...» построена в виде дневника путешественника и содержит полное воспроизведение экспедиционного маршрута с указанием дат. В путевых зарисовках С. Соммье с особой тщательностью описывает местность, древние торговые пути и проезжие дороги, большие города и малые населенные пункты, поднимая тему, называемую сегодня антропология ландшафта и города. В отличие от «монотонных равнин» Польши, Литвы и Белой Руси, величественных, но «некрасивых» рек и необъятных, но однообразных полей и лесов Центральной России и Урала, Северо-Западная Сибирь предстала Соммье как

⁶ См.: Соммье С. Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, черемисов, башкир и киргизов. Томск, 2012.

⁷ Там же. С. 101.

⁸ Там же. С. 29, 63, 64, 70, 91, 92, 100–102, 123–124, 141, 254, 302–309, 415–416.

⁹ Sommier S. Un estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sirieni, Tatari, Kirhisi e Baskiri. Firenze, 1885.

огромная, исчерченная лабиринтом больших и малых рек долина Иртыша и Оби, царство девственно-чистых лесов и плоской болотистой тундры. «Вода и низменность — вот и все, что можно увидеть здесь — один из самых прекрасных пейзажей, чтобы разбудить меланхолию и ностальгию», — писал Соммье. Однообразие равнинного сибирского ландшафта с лихвой компенсировали огромные масштабы и расстояния. Путешественника особенно поразила широкая дельта Оби, равная «расстоянию между Флоренцией и Нордкапом» и «между Парижем и Шпицбергом» (к сравнениям подобного рода Соммье прибегает постоянно).¹⁰

Начав изучение местности с обзора ландшафта с самой высокой точки (горы или здания), Соммье рисует образ городов. Описывая панораму и историко-архитектурную самобытность населенного пункта (археологические объекты, древние укрепления и захоронения, заводы и фабрики, искусственные каналы, пруды и плотины, административные здания и церкви, гостиные дворы и рынки, улицы и дома), он старается как можно плотнее характеризовать его — определить функции и связи, значение и перспективы. Он неизменно приводит исторические и климатические справки, экономические расчеты, данные по демографии и этническому составу населения; дает оценку городской администрации и обществу; описывает древние и современные пути и перекрестки коммуникаций (реки, железные и почтовые дороги), оценивая их значимость и эффективность, а также виды транспортных средств и объемы перевозок. Красочная палитра народов Российской империи («фантазмагория костюмов и типажей») оказывается вписанной в пейзаж городов, юрт, рыболовных станций (песков), аулов.

Особой отрадой для натуралиста С. Соммье были экскурсии по изучению флоры и сбор ботанических коллекций. В книге «Лето в Сибири...» приведены подробные описания флоры и перечень растений каждого места, где причаливала лодка или останавливался тарантас путешественника, дана обстоятельная природно-географическая характеристика регионов. Так, согласно С. Соммье, Сибирь — это огромная равнина, которую условно можно разделить на две зоны — таежную, где растут березы, лиственницы, ели и сосны, и тундровую, где из растений

встречаются только мхи и лишайники; переход между этими двумя зонами довольно резкий. С особенным трепетом он описывает редкие и неизвестные растения: в уральской довольно однообразной, но пышной флоре, его восхищает венерин башмачок, в сибирской — величественные лиственницы и кедры, пестрота и разнообразие мхов и лишайников. Большим исследовательским наслаждением для Соммье стало посещение восточного берега Ямала, куда до него еще не добирался ни один натуралист.¹¹ В путешествии по Оби и экскурсионных выходах на природу он не раз подвергался реальным опасностям (терялся в лесу, попадал в шторм и западню разлива обских вод, был терзаем бесчисленными полчищами комаров, затажными ливнями и даже, несмотря на летнее время, ледяными дождями, переходящими в снегопады), но стремление ученого к новым открытиям было выше страха за жизнь. Итогом ботанических изысканий Соммье стала книга и ряд статей о флоре Нижней Оби.¹²

Во время сибирской экспедиции Соммье впервые знакомится с народами, составлявшими этническую мозаику Российской империи: русскими, остяками (хантами), самоедами (ненцами), зырянками, мордвой, вотяками (удмуртами), черемисами (марийцами), татарами, киргизами, башкирами. Многие из них были практически неизвестны в Италии, так как никто из итальянских путешественников прежде не добирался до этих северных широт. Правда сам Соммье не без гордости отмечал, что некоторые первые известия о данных регионах европейцы получают именно от итальянцев — Марко Поло и Платона Карпини (XIII в.), Джулио Помпонио Сабино (XV в.) и Павла Йовия (XVI в.).¹³

Экспедиции Соммье предшествовала тщательная аналитическая проработка публикаций по истории, антропологии, этнологии, демографии, ботанике, географии и климатологии Сибири как европейских, так и российских исследователей (С. Герберштейна, Ф. И. Страленберга, И. Э. Фишера, И. Г. Георги, В. Ф. Зуева и П. С. Палласа, А. Х. Лерберга, Э. К. Гофмана и М. А. Ковальского, А. Ф. Миддендорфа, М. А. Кастрена, А. И. Шренка, А. Алквиста, О. Финша

¹¹ Там же. С. 56, 144, 153–155, 161, 162, 330, 331, 334–339, 397.

¹² См.: Sommier S. Flora dell'Ob inferiore: studio di geografia botanica. Firenze, 1896; Idem. Considerazioni fitogeografiche sulla valle dell'Ob // BSBI. 1895. Vol. 2. P. 204–208; Idem. Risultati botanici di un viaggio all'Ob inferiore // NGBI. 1896. Vol. 3. P. 5–21, 167–205; и др.

¹³ См.: Соммье С. Лето в Сибири. С. 144.

¹⁰ Соммье С. Лето в Сибири. С. 120–136, 371, 463.

и А. Брема, И. С. Полякова, И. Р. Аспелина, Ш. Э. Уйфальви и др.). В ходе поездки Соммье беспристрастно описывал все происходящее. В его суждениях сочетаются умение наблюдать и научная точность описаний. Свои наблюдения Соммье сверял с гипотезами и взглядами других авторов, особенно часто — с мнением Кастрена и Алквиста. Собранный Соммье огромный по объему этнографический материал дополнен статистическими данными и географическими описаниями, демографическими и экономическими выкладками, дискуссионными рассуждениями и сравнениями (прежде всего с лапландцами), личными оценками и впечатлениями.

Во время сибирского путешествия С. Соммье останавливался в домах русских, остяков, самоедов и башкир, чтобы иметь возможность лучше понять их традиции, культуру и образ жизни, выявить антропологические, культурные и поведенческие нюансы. Он много фотографировал, собирал и записывал сведения о туземцах, покупал предметы быта. По книге-дневнику можно определить авторский алгоритм исследований, включавший: сбор антропометрических данных; анализ источников для составления общей этноисторической картины; штудирование истории народа и его отношений с соседями, оценку перспектив и причин происходящих изменений в этнических процессах; изучение расселения народа на территории обитания и составление этнографической карты; определение идентичности и степени самоидентификации этнической группы, а также ее психологических особенностей; детальное описание культуры и верований народа. Благодаря комплексному подходу и многоаспектному представлению этнических процессов в их исторической ретроспективе возникает динамическая картина развития народа и культуры.

Причины трансформации этнической панорамы славянских, финских и тюркских народов Российской империи — едва ли не главный момент в этнологических рассуждениях вездливого и беспристрастного исследователя. Их дополняет авторская этнопсихологическая характеристика народов. Так, русские, по мнению Соммье, более других «приспособлены к мирной колонизации» благодаря своей гибкости, уступчивости и терпению; их типичные черты — чувство национальной гордости, любопытство, общительность и сердечность, любовь ко всему грандиозному и отвращение к экономии («барские замашки»), легкомысленность

(французская поговорка «пусть будет, что будет», без традиционного продолжения «делай то, что нужно»), жизнерадостность, неаккуратность, пристрастие к бане, чаю и алкоголю. Отсутствие религиозного фанатизма и нетерпимости к другим религиям (язычество, магометанство, буддизм) прослеживается как у государства, так и у населения, проживающего среди туземцев (при нетерпимости, например, к раскольникам). В отличие от русских, многочисленные финские народы характеризуются большей серьезностью, энергией, выдержкой и упорством в достижении целей, большей восприимчивостью «к прогрессивному уровню цивилизации»; у многих из них сохраняются языческие верования. Не менее многочисленные и этнически пестрые татарские (тюркские) народы, исповедующие ислам, не смешиваются с православными славянами, вместе с тем религиозные доводы не препятствуют смешению татар и финнов; они легко переезжают с места на место, склонны к коммерции; следуя религиозным предписаниям, они не курят и не пьют.¹⁴

Основной акцент С. Соммье делает на изучении остяков, самоедов, а также их соседей — зырян. В его этнологических изысканиях нет сенсационных открытий, однако оригинальные этнографические описания в сочетании с объемными данными по истории, лингвистике, экономике, политике и развернутая на страницах книги полемика с другими исследователями складываются в обширное полотно научного сибиреведческого материала. Соммье вникает в вопросы происхождения, популяционной динамики, лингвистической классификации, рассуждает о причинах миграций и о взаимовлиянии трех народов, расселенных на пространстве от Урала до Енисея и от Нижнего Иртыша до Северного Ледовитого океана. Он детально описывает традиционные виды промыслов и хозяйственную активность относительно времен года, жилища и одежду. Благодаря движению по Оби на лодке Соммье имел прекрасную возможность наблюдать изменения в физическом типе и культуре (промыслах, «одежде и постройках») остяков с юга на север под влиянием русских, татар и самоедов и подметить «этническую чистоту» последних. Суждения Соммье о народах дополняют их этнопсихологические портреты. Зыряне, здоровый, сильный, красивый и энергичный народ, за смекалку

¹⁴ Там же. С. 3–27, 58, 59, 98, 99, 152, 179–181, 384–462.

и пристрастие к торговле названы «евреями тундры»; остяки охарактеризованы как «рыбоядцы» и отчасти оленеводы, хрупкие, но очень выносливые и крайне беззаботные; самоеды — как кочевники-олeneводы, более крепкие, смелые и предприимчивые, но часто апатичные. Особо Соммье отмечал радушие, гостеприимство и честность сибиряков.¹⁵

Антропологических исследований среди остяков, самоедов и зырян до Соммье практически не проводилось,¹⁶ поэтому он ставит задачу насколько возможно полного их обследования. Чтобы убедить туземцев подвергнуться измерениям, походившим больше на осмотр новобранцев во время военного призыва, ему приходилось прибегать к всевозможным ухищрениям (намеки на распоряжения властей, подарки, угощение чаем с сахаром и сухарями). Кроме классических измерений, в серию антропологических сборов входило описание общей физиологии, измерение роста, температуры тела, длины указательного и безымянного пальцев, сбор данных о возрасте, поле, цвете глаз и волос, брачном возрасте, количестве и смертности детей, состоянии зубов, частоте и типе патологий. В получении данных возникали трудности: остяки и самоеды боялись термометра и циркуля, расценивая измерения как колдовство; многие из них не знали, сколько им лет; остячки не смели снимать с головы платок в присутствии свекра и дядей мужа. Соммье отмечал, что остяки и самоеды хорошо адаптировались к условиям крайне низких температур, и не уставал поражаться их способности противостоять суровым климатическим условиям. Он изучал состояние здоровья туземцев, подмечал некоторые общие черты, например плохое состояние глаз ввиду чрезвычайной задымленности помещений и неблагоприятных погодных условий, распространенность дальтонизма и цинги.¹⁷

В ходе экспедиции Соммье сделал замеры и взял образцы волос у 137 остяков, 109 самоедов и 50 зырян. Кроме того, им было собрано 37 черепов остяков и 19 черепов самоедов из могил в юртах Пугорских, недалеко от села Мужы, под Обдорском, у Яр-Сале и Хаманнёла. В антропологической коллекции ученого оказался и подаренный М. С. Знаменским череп, найденный

у подножия фундамента памятника Ермаку в Тобольске.¹⁸ Общие антропологические сведения представлены в книге «Un estate in Siberia...», однако более детальная характеристика дана в специальных публикациях.¹⁹

Одну из проблем С. Соммье видел в необходимости составления карты, отражающей реальную этническую картину Сибири и России, в отличие от неточных карт Российского Генерального Штаба (1848, 1862) и Этнографической карты Европейской России А. Риттиха (1875). Он также отмечает неполноту и ошибочность географических карт устья и эстуария Оби и восточного побережья Ямальского полуострова; отдельные поправки он вносит в карту С. Гаге, считая ее «более правдивой», чем карта Гидрографического департамента Морского министерства (1876), а также карты графа Вальдбурга-Зейла (1979) и полковника Моисеева (1881).²⁰

Монографию С. Соммье «Лето в Сибири...» отличает не только объем и разнообразие сибиреведческого материала, но и тщательность подбора визуального ряда. В книге размещены гравюры Е. Мадзанги с фотографий и изображений этнографических предметов, выполненных и собранных автором в ходе экспедиции. Так, в издание попали неопубликованные фотографии экспедиций И. С. Полякова и А. Алквиста, а также рисунки тобольского художника М. С. Знаменского, дважды прошедшего маршрутом от Тобольска до Обдорска за пару десятилетий до Соммье. Иллюстрации сопровождаются не только подписями, но и аннотациями, так как вездливый натуралист никогда не оставлял без подробного описания ни один предмет исследования, а в научной работе сам активно использовал фотокамеру (новый инструмент в антропологических и этнологических исследованиях).²¹ В описаниях его сибирского путешествия встречается информация о выполнении фотоснимков, однако судьба их неизвестна (по одной из версий негативы-стекла, как и заспиртованные образцы фауны, были разбиты при транспортировке).

¹⁸ Там же. С. 92, 162, 223–251, 407–467.

¹⁹ См.: Sommier S. Misurazione di 50 Sirieni della valle dell'Ob // AAE. Firenze, 1887. Vol. 17. P. 57–67; Idem. Memorie originali — Ostiacchi e Samoiedi dell'Ob // Ibid. P. 71–222.

²⁰ См.: Соммье С. Лето в Сибири. С. 13, 14, 145, 269, 346, 397, 398.

²¹ См.: Regalia E. S. Sommier — Presentazione di fotografie di popoli della Siberia // AAE. Firenze, 1883. Vol. 13. P. 578–585; Chiozzi P. Stephen Sommier: etnologia ed etno-fotografia. P. 23–31; Idem. Verso una «etno-antropologia fotografica»... P. 25–54.

¹⁵ Там же. 198–261, 447–468.

¹⁶ См.: Modigliani L. Sommier Cav. Stephen — Raccolta antropologica ed etnologica fatta in Siberia // AAE. Firenze, 1881. Vol. 10. P. 480, 481; Соммье С. Лето в Сибири. С. 145, 159.

¹⁷ Соммье С. Лето в Сибири. С. 158–172, 194–258, 364, 365.

После путешествия в Лапландию (1879) и в Сибирь (1880) С. Соммье становится одним из ведущих в Европе знатоков в области ботаники, антропологии и культуры народов Северной Европы и России. Его книга «Un estate in Siberia...» вызвала огромный научный интерес. В ряду подобного рода публикаций это один из последних (по времени, но не по значению) напечатанных до революции полноценных научных трудов по сибирско-уральской этнологии.

Наследие С. Соммье

Проведенные за Уралом месяцы Стефано Соммье называет восхитительными, но добавляет: «...для каждого, у кого есть особая цель, такое путешествие безумно интересно», но для того, «кто захочет отправиться в Сибирь туристом, только в поисках эмоций и приключений или для любования красотой природы, я бы повторил слова французского путешественника: “Не ездите туда!”».²² Сам же Соммье, влюбленный в культуру северных народов, не мог ограничиться разовыми поездками в Лапландию и Сибирь. Зимой 1884/85 г. он вновь побывал в Фенноскандии, продолжив изучение лапландцев, летом 1887 г., после посещения Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки в Екатеринбурге, проехал по Уралу и Поволжью до Каспия и Крыма с целью изучения урало-поволжских народов, а в 1890 г. совершил длительную экспедицию на Кавказ.

После каждого путешествия Соммье непременно публикует серию научных работ по ботанике, антропологии и этнографии. Но парадокс заключается в том, что в Италии сибиреведение и уралистика, впрочем, как и другие исследования народов и культур Северной Европы и Евразии после их активного продвижения П. Мантегацца и С. Соммье, не стали приоритетным направлением гуманитарного знания.²³ А многочисленные публикации антропологов на итальянском языке были недоступны российскому научному сообществу и простому читателю.²⁴ Из внушительного цикла

сибирско-уральских работ Соммье²⁵ в России были опубликованы две статьи — «О башкирах» (в оригинале «Среди башкир (глава неопубликованной книги)») и «О черемисах» (часть статьи «Записки о путешествии: Урало-Сибирская выставка в Екатеринбурге. Черемисы Урала и Волги»)²⁶. А книга «Лето в Сибири среди остяков, самоедов, зырян, татар, киргизов и башкир» на русском языке вышла в свет только в 2012 г., почти 130 лет спустя после ее издания во Флоренции. Так, в итальянскую историографию С. Соммье входит как известный ботаник, открывший, в частности, несколько неизвестных науке растений, а в российскую — исключительно как антрополог. Вместе с тем для гуманитарного и естественнонаучного сибиреведения и уралистики научные труды С. Соммье остаются актуальными: бесспорна источниковая ценность скрупулезно собранных и доставленных во Флоренцию ботанических, антропологических, этнографических и визуальных (фотографии, рисунки) материалов (и, как оказывается, не только для науки, но и для исследуемых народов).

Из экспедиции в Сибирь С. Соммье привез около 150 предметов культуры остяков и самоедов: предметы меховой одежды, украшения, орудия охоты и рыбной ловли, лыжи, инструменты для обработки шкур, домашнюю утварь, предметы культа, в том числе несколько идолов и кукол-шонгот (вместилищ души умершего), музыкальные инструменты, детскую люльку и игрушки. Сибирские антропологические и этнографические коллекции Соммье легли в основу собрания Национального музея антропологии и этнологии Флоренции.²⁷ Среди предметов, переданных музеем, оказались семь деревянных идолов и пара прикладов в виде связок из ткани и шнуров с кольцами

²² Соммье С. Лето в Сибири. С. 605.

²³ О специфике развития этнологии в Италии см.: Chiozzi P. Verso una “etno-antropologia fotografica”...; Красновская Н. А. К истории этнологической науки в Италии // ЭО. 1995. № 3. С. 133–149; Кабицкий М. Е. «Поиски итальянского народа» и демоэтноантропология // Итальянская идентичность: единство в многообразии. Т. 6. М., 2015. С. 174–186.

²⁴ См.: Колосов Е. Е., Яковлев Я. А. Стефан Соммье: невестрбованное наследие. Евгений Колосов: утраченное наследие // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 5. Томск; Ханты-Мансийск, 2007. С. 154–180.

²⁵ Sommier S. Note etnologiche di un viaggio in Siberia // AAE. Firenze, 1880. Vol. 10. P. 500–502; Idem. Cenni intorno a un viaggio alle foci dell’Ob // Bollettino della Societa Geografica Italiana (seconda serie). 1881. Vol. 6. P. 1–30; Idem. Fra i Baskiri (capitolo di un libro inedito) // AAE. Firenze, 1881. Vol. 11. P. 255–296; Idem. Notizie etnologiche su Ostiacchi e Samoiedi // Ibid. P. 455–457; Idem. I Sireni // AAE. Firenze, 1883. Vol. 13. P. 528–532; Idem. Cenni etnografici intorno ai Calmucchi // AAE. Firenze, 1884. Vol. 14. P. 439–446; Idem. Memorie originali... P. 71–222; Idem. Misurazione di 50... P. 57–67; Idem. Note di viaggio: Esposizione Uralo-Siberiana di Ekaterinburg. Ceremissi degli Urali e del Volga // AAE. Firenze, 1888. Vol. 18. P. 215–257; Idem. Note di viaggio: Mordva. Popolazione di Astrakan. Calmucchi // AAE. Firenze, 1889. Vol. 19. P. 117–155; и др.

²⁶ Соммье С. О башкирах // Зап. УОЛЕ. Екатеринбург, 1891–1892. Т. 13, вып. 1. С. 22–34; Он же. О черемисах. Этнографическо-антропологический очерк // Зап. УОЛЕ. Екатеринбург, 1896. Т. 17, вып. 1. С. 83–117.

²⁷ См.: Orsi e Sciamani: bears and shamans. P. 119–133, 252–273.

и металлическими подвесками. В книге «Лето в Сибири...» Соммье приводит подробное описание остяцкого святилища близ Мужигортских юрт,²⁸ с которого были взяты культовые предметы, и помещает рисунок с общим видом капища с языческими изваяниями.²⁹

В Мужигортских юртах (ныне деревня Ханты-Мужи Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа) создан Природно-этнографический парк-музей «Живун». Пожилые люди помнят, что в «старые времена» неподалеку от поселения находилось святилище. В 1920–1940-х гг. оно было заброшено, так как бытование языческого капища в непосредственной близости от относительно большого населенного пункта (в деревне проживало 90 чел., имелись магазин и школа и даже было электричество) в пору гонений на шаманов и борьбы с любыми религиозными проявлениями было невозможно.

В 2012 г. благодаря публикации книги С. Соммье «Лето в Сибири...» и налаживанию связей с Национальным музеем антропологии и этнологии Флоренции история получила необычное продолжение. Во время

фестиваля ремесел директор парка-музея А. Г. Брусницына рассказала об итальянском путешественнике, обследовавшем святилище Мужигортских юрт в ходе поездки по Нижнему Приобью, а также показала фотографии выставленных в музее Флоренции семи культовых изображений. После этого старейшинами сынско-войкарских хантов было принято решение о восстановлении капища. Для его реконструкции семь мастеров вырубали из дерева 21 культовое изображение: каждый мастер резал одну скульптуру по фотографии из музея Флоренции и две скульптуры «по своему разумению». Для святилища было выбрано «чистое место», и после изготовления фигур был проведен обряд жертвоприношения: в дар богам был принесен гусь, по традиции его шкура и семь белых рубашек были вывешены на дерево для духов верхнего мира, а семь черных рубашек закопаны в землю для духов нижнего мира. Ханты считают, что духи-хранители Мужигортских юрт, «вернувшись» из Флоренции на родную землю, вновь стоят на страже и охраняют жителей низовьев Оби.

Elena V. Perevalova

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: elena_perevalova@mail.ru

Anna A. Perevalova

The undergraduate, Italian Society of Assistance to the International Organizations (Italy, Rome)

E-mail: perevalova.ann@gmail.com

Anna G. Brusnitsyna

Director of "Shuryshkarsky Regional Museum Complex" (Muzhi, Yamal-Nenets Autonomous Region)

E-mail: anna_brusn@mail.ru

STEFANO SOMMIER'S SIBERIAN ODYSSEY

Italian naturalist S. Sommier (Florentine school of social anthropology), who traveled alone in the north of Western Siberia in the summer of 1880, was a traveling encyclopedist whose life purpose was obtaining new knowledge about nature and people. During his Siberian Odyssey Sommier came to know the peoples making up an ethnic mosaic of the Russian Empire. Main goal of his expedition (apart from studying the local flora and making botanical collections) was the anthropological and ethnological study of the Ostyaks (Khanty), the Samoyeds (Nenets) and the Zyryan. There were practically no physical-anthropological studies of these peoples before and thus he may rightly be called a pioneer in this field. There were no sensational discoveries in his ethnological studies, however original ethnographic descriptions in combination with a rich collection of data on history, linguistics,

²⁸ Юрты Мужинские (Мужигортские) Куноватской волости Тобольской губернии значатся в ревизских сказках 1858 г. Проживавшие в них остяки Тогаचेвы, вероятно, ведут происхождение от числившегося в Сыском городке еще в конце XVIII в. Ивана Тогазиева (Тогачева). См.: Перевалова Е. В. Северные ханты. Екатеринбург, 2004. С. 334–336.

²⁹ Соммье С. Лето в Сибири... С. 242, 246–248.

economics, and politics added up into a vast canvas of Siberian research materials. After his trip Sommier published a fundamental work "Un estate in Siberia fra Ostiacchi, Samoiedi, Sirieni, Tattari, Kirhisi e Baskiri" (Summer in Siberia among the Ostyaks, the Samoyeds, the Zyryan, the Tatar, the Kyrgis, and the Bashkir) (Firenze, 1885) and a series of papers on botanics, anthropology, and ethnology of the Lower Ob. At the same time for the studies of Siberia and the Ural research papers by Sommier, many of which have never been translated into Russian, have not lost their value even today. Scrupulously collected and brought to Florence botanical, anthropological, ethnographic and visual materials still are a valuable source of knowledge not only for scholars, but also for the people who were the subject of S. Sommier's studies.

Keywords: *Stephano (Carl Pietr Stefan) Sommye, travel, Siberia, ostyak, Samoyeds, Zyrians, Florentine (Italian) school of social anthropology*

REFERENCES

- Chiozzi P. *Manual of visual anthropology* [Manuale di antropologia visuale]. Milano: Edizioni UNICOPLI Publ., 1993. 216 p. (in Italian).
- Chiozzi P. *Stephen Sommier: etnologiaedetno-photography* [Stephen Sommier: etnologiaedetno-fotografia]. AFT, Anno IV, no. 7, Firenze, 1988, pp. 23–31. (in Italian).
- Chiozzi P. *Stephen Sommier: journey signs* [Stephen Sommier: note di viaggio]. AFT, Anno IV, no. 7, Firenze, 1998, pp. 13–22. (in Italian).
- Chiozzi P. *Towards a «etno-anthropology fotografica»: from Paolo's Mantegazza to Stephen's Sommier* [Verso una «etno-antropologia fotografica»: da Paolo Mantegazza a Stephen Sommier]. *Etica e metodo: considerazioni sull'antropologia visuale* [Ethics and method: considerations on the visual anthropology]. *Acireale-Roma*, 2011, pp. 25–54. (in Italian).
- Ciruzzi S., Piccardi M., Roselli M. G. *The National Museum of Anthropology and Ethnology* [Il Museo Nazionale di Antropologia e Etnologia]. Firenze: Tipografia Latini Publ., 1995. (in Italian).
- Kabitskiy M. E. "Poiski italyanskogo naroda" i demoetnoantropologiya ["Searches of the Italian people" and demoetnoantropologiya]. *Italyanskaya identichnost: edinstvo v mnogoobrazii*. Seriya: Problemy italyanistiki [Italian identity: unity in variety. Series: Italianistika problems]. Moscow: RGTU Publ., 2015, vol. 6, pp. 174–186. (in Russ.).
- Kolosov E. E., Yakovlev E. A. *Stefan Somme: nevestrebovannoe nasledie. Yevgeniy Kolosov: utrachennoe nasledie* [Stefan Sommye: unclaimed heritage. Evgeny Kolosov: the lost heritage]. *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansi Autonomous Area in a past mirror]. Tomsk; Khanty-Mansiysk, 2007, no. 5, pp. 154–180. (in Russ.).
- Krasnovskaya N. A. *K istorii etnologicheskoy nauki v Italii* [To history of ethnological science in Italy]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1995, no. 3, pp. 133–149. (in Russ.).
- Perevalova E. V. *Severnye khanty: etnicheskaya istoriya* [Northern Khanty: ethnic history]. Ekaterinburg: UrO RAS Publ., 2004. 414 p. (in Russ.).
- Piccardi M., Roselli G. *National museum of Anthropology and Ethnology of Florence, computerised filing of the collections* [Museo Nazionale di Antropologia e Etnologia di Firenze, schedatura computerizzata delle collezioni]. *AAE*. Firenze, 1990, vol. 120, pp. 178–182. (in Italian).
- Roselli M. G. *Journey between the Lapps in winter (the stories of Stephen Sommier)* [Viaggio tra i Lapponi in inverno (dai racconti di Stephen Sommier)]. Orsi e Sciamani: bears and shamans – Bears and Shamans: bears and shamans. Firenze: Edifir, 2007. P. 87, 98–117. (in Italian).
- Roselli M. G. *Stephen Sommier in Siberia* [Stephen Sommier in Siberia]. Orsi e Sciamani: bears and shamans [Bears and Shamans: bears and shamans]. Firenze: Edifir Publ., 2007, pp. 118–133. (in Italian).
- Sommje S. *Leto v Sibiri sredi ostyakov, samoedov, zihryan, cheremisov, bashkir i kirgizov* [Summer in Siberia among ostyak, Samoyeds, Zyrians, cheremis, the Bashkir and Kyrgyz]. Tomsk: Izd-vo Tom. Uni. Publ., 2012. 640 p. (in Russ.).

К статье Е. В. Переваловой, А. А. Переваловой, А. Г. Брусницыной

С. Соммье у монумента на границе между Европой и Азией.
Фонд Чини Даци (№ 804), Фотографический архив Тосканы (Прато, Италия)

Остяцкое святилище близ Мужегортских юрт. Рисунок с наброска автора.
Соммье С. Лето в Сибири. Томск, 2012. С. 242

Изготовление идола

Реконструкция святилища по описанию С. Соммье и фотографиям культовых предметов из собрания Национального Музея антропологии и этнологии (Флоренция).
Парк-музей «Живун» (Ханты-Мужи, Шурышкарский район ЯНАО).
Фото А. Г. Брусницыной, 2014 г.